

**АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЕНКО**

ЛИТЕРАТУРНОЕ БЫЛОЕ

КАК “ПРИЗЫВАЛИ” В ПИСАТЕЛИ

Период после Октябрьской революции 1917 года – совершенно особый этап в развитии литературы в Орловском крае: время отрицаний, многочисленных экспериментов, весомых потерь и весьма скромных достижений. Становление в регионах литературы нового типа, литературы социалистического реализма, в последнее время редко становится предметом пристального научного исследования. Цель этой статьи – в какой-то мере восполнить пробел, обозначить основные контуры литературного процесса в Орле в середине 1920-х – начале 1930-х годов.

В это время Орёл потерял статус губернского центра (1928) и на протяжении нескольких лет был рядовым районным центром Центрально-Чернозёмной, а затем Курской области. В городе после 1928 года издавалась всего одна газета (“Орловская правда”), отсутствовали какие-либо литературные журналы, альманахи. Многие предшественники творческой интеллигенции покинули город, а среда для становления новых авторов только начинала формироваться (например, в начале 1930-х в Орле появился первый вуз).

В статье А. Германо “Из записной книжки местного писателя” отмечалось, что почти все

начинающие орловские поэты и прозаики в первые годы советской власти печатали свои произведения на страницах ежедневной прессы¹. В 1920-е годы центрами литературной жизни Орла и губернии становятся редакции газет, при которых создаются литературные кружки, объединения. “Пролетарская мысль” (1920), “Литературный кружок” (1921), “Тургеневское научно-литературное общество” (1922), “Ярь” (1924), “Чернозем” (1925) – это далеко не полный их перечень.

Иван Селихов – организатор кружка “Пролетарская мысль” писал в журнале “Свободный путь” (1920): “Такие кружки в данное время просто необходимы. Народ проснулся от своей вековой спячки и начинает жить духовной жизнью, начинает выдвигать из своей среды богато одарённых самородков, – и вот этим-то жемчужинам глубоко всколыхнувшегося народного моря необходимо на первых порах помогать выйти на открытый, широкий путь духовного творчества”. Вторил ему и бывший преподаватель Орловской гимназии Сергей Горовой: “Наша пролетарская революция внесла большое оживление в провинциальную жизнь. В прежнее время культурная деятельность ключом была только в столицах и других крупных городах. Теперь не то: в маленьких городках, в сёлах, в деревнях – везде зашевелились и стали

проявлять себя местные силы из пролетарской среды <...> обновляют русскую культуру, внося в неё новый свежий материал, иногда даже новые приёмы творчества, пробуя новые пути"².

В июле 1921 года в Орле была организована литературная секция ЛИТО, куда вошли 42 литератора: 24 поэта и писателя, остальные – научные работники. В Орле тогда жили и работали крупнейший ученый-востоковед Н. Конрад; А. Германо; поэт, переводчик, секретарь Всероссийского Союза поэтов Е. Сокол; тургеневед, первый директор Тургеневского музея М. Португалов. В 1922 году был издан “Зелёный шум: Сборник произведений поэтов и писателей Орловской губернии”. Здесь были помещены рассказы, стихи и пьесы 19 авторов. Если проанализировать список имён, то окажется, что практически никого из них мы уже не можем встретить среди имён орловских литераторов 7–10 лет спустя: отряд творческой интеллигенции значительно поредел. Например, в начале 1920-х из Орла уехали Евгений Сокол, Николай Браун, Валерий Кирпотин, Борис Бронштейн, Илья Лукашин, Лев Овалов, Борис Леонов, в 1926-м – Александр Германо. В том же 1926 году умер Иван Селихов, в 1927-м – Михаил Португалов. Прочно обосновался в эмиграции Иосиф Каллиников.

1920-е годы были временем острого идеологического противоборства, что отрицательно сказывалось на условиях творческого развития. Коммунистическая партия, местная пресса предъявляли весьма жёсткие требования к трудящимся на духовной ниве. Так, весной 1922 года орловская губернская газета рассказала о прошедшем в Центроклубе “литературно-общественном суде” над местными театрами. Обвинительный акт гласил: “Орловские театры в лице своих идейных руководителей не оправдали возложенного на них общественного доверия”. В вину им были поставлены “безыдейность репертуара и неумелая режиссура”³.

Литературный критик Л. Плоткин, составляя обзор литературной жизни Центрального Черноземья, акцентировал внимание на том, что на смену прежней дворянской литературе должна прийти литература рабочая, крестьянская: “До бурливых дней Октября только один крестьянин из скудных чернозёмных полей вошёл в обетованную землю большой литературы – Иван Вольнов <...> Десятки дворян - писателей – и один крестьянин. Цифровое соотношение рельефно запечатлело смысл дооктябрьской эпохи <...> Совсем иное теперь. Иные времена, иные песни”⁴.

Действительно, имя Ивана Вольнова стоит несколько особняком и в дореволюционной литературе, и в литературе 1920-х. В эти годы он жил

в родном селе под Орлом, местные крестьяне избрали его председателем артели (позднее – колхоза). В середине 1920-х Вольнов пишет цикл очерков “Самара”, затем повесть “Встреча” (1927, опубликована в журнале “Молодая гвардия”). В основе повести – события в Поволжье в 1918 году. Были написаны также очерки “Мужицкая артель”, “Новая деревня”, “Новая земля”, рассказы “Батя на празднике”, “Эпитафия”. Вольнов часто ездил в Москву, а зиму 1928–1929 года провёл у М. Горького в Италии, где написал повесть “Возвращение”. Был у него и замысел романа “Новая деревня”, но в январе 1931 года Иван Вольнов погиб.

Основой для “рекрутирования” новых литературных сил стал отряд рабочих и сельских внештатных корреспондентов газет. В заметке М. Киреева “Орловская группа “Ярь”⁵ отмечалось, что эта группа возникла в 1924 году по инициативе редакции газеты “Правда молодёжи”: “Еженедельно по понедельникам в зале Дома Просвещения или в издательстве “Красная книга”, а в последнее время в редакции “Орловской правды” устраивались литературные собрания. Литераторов, уже печатающихся, в «Яри» только 11 человек, а начинающих (в большинстве молодёжь) – 14, из них 8 – комсомольцы”.

Всего за год состоялось более 20 собраний “Яри”, столько же на них было прочитано различных произведений. Как пишет в своей заметке М. Киреев, на собраниях группы выступали А. Германо, Корней Осипенко, Н. Басов, С. Тарасевич, В. Хохлачёв, Парахин, Булгаков, А. Шашкин, М. Киреев, С. Чекулаев, Е. Сокол, И. Старицкий, К. Ковалевский. А участник Всероссийского совещания пролетарских писателей Н. Переверзев рассказал на одном из собраний об участии в совещании, о вопросах, на нём обсуждавшихся. М. Киреев подчеркнул: “Фактически “Ярь” является отделением ВАПП (Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей. – А.К.): основное ядро и молодёжь группы солидарны с программой этого объединения”⁶.

В письме к И. Вольнову от 23 января 1925 года Максим Горький спрашивал: “Издаётся в Орле газета? Нельзя ли высылать ее мне? Был бы очень благодарен”⁷. Вскоре он стал получать “Орловскую правду” – ее регулярно посылали в Италию. В литературных страницах “Правды молодёжи”, в воскресных номерах “Орловской правды” большой популярностью пользовались очерки, стихи и рассказы Михаила Киреева, Николая Басова, Николая Бормотова, Сергея Орловского, Николая Шевлякова и других. Особенно хочется остановиться на фигуре последнего. Уроженца одной из пригородных деревень (если судить по рассказу “В город”, это была Кузьмичёвка) Николая Шевлякова

выделял среди всех орловских литераторов старый знаток словесности С.И. Горовой: "Шевляков – самый интеллигентный <...> К сожалению, скромный, застенчивый, не умеющий добиваться "своего", он мало печатался и совершенно недостаточно известен читающим <...> Его стих – лёгкий, музыкален, гладок, изящен. Его художественный рисунок тонок, красив, отделан <...> душа у него удивительная: всепрощающая, а в то же время и стойкая, неисчерпаемо-мужественная, безгранично-выносливая <...> Шевляков принадлежит к тем поэтам, которые напоминают и ясно показывают, даже и в самые мрачные, тяжкие дни, что <...> есть в душе человека идеалы правды и добра, в жизни – счастье и красота <...> такие поэты нужны не менее сатириков и обличителей"⁸.

В феврале 1925 года в Орле сформировалась также группа писателей "Чернозём" (литгруппа при губернском бюро секции работников печати), в которую вошли Ф. Захаркин, И. Селихов, А. Герман, П. Поползунов и другие. Эта группа в отличие от других привлекала к участию в своей работе и старую интеллигенцию. Группа сразу же поставила вопрос об издании в Орловской губернии литературно-художественного журнала, в котором начинающие писатели могли бы показать свои способности. И уже в мае 1925 года в Орле вышел в свет первый номер литературно-художественного журнала "Новый путь". Ответственным редактором журнала был назначен старый коммунист Ф. Захаркин. Тираж первого номера 2000 экз. окупился частично благодаря помещённым в нём объявлениям торговых предприятий (отметим сразу, что второй номер так и не вышел в свет).

Журнал открывался приветствием 5-му Всесоюзному съезду работников печати. Одновременно это было и обращение редакции к читателям нового издания. В нём подчеркивалось: "Переход талантливых селькоров и рабкоров от писания несложных заметок к художественному творчеству бывает зачастую довольно труден без помощи более опытных товарищей-литераторов. Облегчить этот переход – является основной задачей литературной группы при Губбюро секции работников печати <...> Выпускаемый литературной группой журнал "Новый путь" и будет содействовать творческой работе начинающих пролетарских писателей как товарищескими советами, так и помещением на страницах журнала их произведений.

Журнал "Новый путь" будет школой для рабкоров и селькоров, стремящихся к литературной деятельности. Он поможет выявлению их художественных дарований.

Ближе к своему журналу, рабкоровская и селькоровская рать!"

В номере были опубликованы стихи И. Селихова, Н. Шевлякова, рассказ И. Каллиникова "Земля", рассказ Ив. Мулова "Отец и сын", рассказ Ф. Захаркина "На шахте № 2", а также "картинка в одном действии" П.И. Поползунова "Змей ползучий". В разделе литературоведения и критики были помещены статья А. Светозарова "Задачи и пути современной литературы"⁹, этюды И. Селихова о самородках "Души живые", советы начинающим стихотворцам бывалого литератора Дяди Серёжи "Творческая работа", статья И. Лебедева "Тургенев и крепостное право".

Редакция была верна своему кредо поиска новых творческих сил. В этом русле было, например, и такое объявление:

"Присылайте частушки.

Редакция журнала "Новый путь" просит своих читателей присылать ей для издания отдельной книжкой частушки, присказки, прибаутки, "страдания" и прочие песенки, распеваемые деревней.

Адрес: Орёл, Дворец Труда, комн. 28, А.В. Герман".

Однако группа "Чернозём" оказалась недолговечной. В отличие от неё "Ярь" стремительно набирала силы. Приведём в доказательство текст документа. В резолюции Агитпропа Орловского губкома ВЛКСМ по докладу о работе литературной группы "Ярь" (октябрь 1926) подчеркивалось:

"1. Существование литгруппы "Ярь" как организации начинающих рабоче-крестьянских писателей считать необходимым.

2. Учитывая рост запросов рабоче-крестьянской молодежи к художественной литературе и творчеству и группирование вокруг "Яри" творческой молодежи, редакция "Правды молодежи" и комсомольские комитеты должны оказывать группе всемерное содействие, способствуя вербовке в группу творчески себя выявляющей части комсомольцев и беспартийной рабоче-крестьянской молодежи.

3. Для популяризации группы, для демонстрации ее достижений, а также для приближения литературы к трудящимся массам и комсомолу и трудящейся молодежи нужно больше практиковать литературные вечера в рабочих клубах, школах, читальнях-библиотеках и прочих культурно-просветительных учреждениях, используя прежде всего для борьбы с непролетарским влиянием на молодежь, особенно в литературной форме"¹⁰.

В ноябре 1926 года был зарегистрирован устав группы "Ярь" при газетах "Орловская правда" и "Правда молодежи", объединившей десять начинающих писателей. В декабре 1927 года литгруппа вошла в состав Орловского отделения ВАПП. В мае 1928 года на объединённом собрании членов орловских литературных групп "Ярь", "Новь" и "Искра" отделение ВАПП было реорганизовано в Орловскую ассоциацию пролетарских писателей (ОрлАПП).

Группа “Ярь” в 1928 году выпустила одноименный литературный сборник, приурочив его к возвращению М. Горького из Италии, о чем свидетельствовало посвящение: “Первую книгу свою, первый плод трехлетней своей работы – Великому пролетарскому художнику слова, другу и учителю начинающих писателей – Максиму Горькому посвящаем. Члены Орловской группы “Ярь”.

Маленькая книжца в 50 страниц вместила в себя стихи С. Чекулаева, Н. Столярова, А. Целинова, В. Тарасова, А. Хорькова, С. Дракина, А. Афанасьева, И. Харитоновна, рассказы М. Киреева, В. Хохлачёва, И. Искры, В. Истомина, Н. Басова.

В разделе “Литературное прошлое и настоящее Центрально-Чернозёмной области” (“Центрально-Чернозёмная область. Справочная книга”, 1931 г.) отмечалось: “В 1927 году созданы губернские отделения пролетарских писателей в Тамбове, Курске, Орле. В декабре 1928 года в Воронеже состоялся съезд пролетарских писателей, избравший областное правление ассоциации пролетарских писателей ЦЧО. В 1929 году в Воронеже организовано областное правление крестьянских, впоследствии колхозно-пролетарских писателей”¹¹.

Постоянные авторы литературной страницы в “Орловской правде” на рубеже 1920-х–1930-х годов: М. Киреев, Александр Хорьков, Харитонов, Береговой, Андрей Лунин, М. Целинов, Михаил Щёлоков, Валерий Харин, Сефим Чекулаев, В. Хохлачёв, Алексей Афанасьев.

В числе писателей и поэтов, которые “выявились” в областной газете “Неделя” и в сборниках АПП, авторы справочной книги “Центрально-Чернозёмная область” назвали М. Киреева и В. Хохлачёва¹². Этим двум литераторам и предстояло возглавить орловское творческое сообщество. 8 января 1929 года “Орловская правда” сообщила: “В связи с отъездом в Воронеж председателя ОрлАППа т. Искры председателем ОрлАППа утверждён т. Киреев (кандидат в члены правления областной АПП), ответ. секретарём – т. Хохлачёв”.

Литературный критик Л. Плоткин свою обзорную статью “Заметки о литературе Черноземья” в альманахе “Звено” (Воронеж, 1930; здесь были напечатаны произведения многих орловцев, в частности проза Киреева, стихотворения Чекулаева “Ледоход” и Хорькова “Новая степь”) начал с обзора творчества Михаила Киреева:

“Замечательно, что Киреев умеет показать классовую борьбу не только на фронте, когда красное и белое очерчено рельефно и густо, но и в быту, но и тогда, когда борьба эта скрывается в хаосе будничных мелочей и обыденных житейских столкновений <...> Да, в рассказе [“Портфель”] доподлинная классовая борьба <...>

Киреев ищет не только острых и значительных тем. Он пристально внимателен к языковым богатствам литературы. Киреев много работает над своей писательской манерой и тонко шлифует художественную деталь. <...> Свежих, удачных мест у Киреева немало. Конечно, это не значит, что у него нет изъянов; но упорная работа Киреева над идеологической закалкой своих вещей и над формальной их доброкачественностью бодрит и обнадеживает”¹³.

С похвалой отозвался Плоткин и о Хохлачёве: “Рассказы орловского пролетарского писателя Виктора Хохлачёва прежде всего выдают в нём пронзительного и вдумчивого знатока человеческой психики (рассказ “Новое платье”. – А.К.). Писатель обнажает скальпелем художественного анализа сокровенные тайники человеческой “души”¹⁴. Однако Плоткин отмечал, что манера письма Хохлачёва далека от совершенства, ей присуща “некоторая абстрактность героев”, многие персонажи оторваны от социальной среды, живут “вне времени и пространства”. “Такой “уклончик” может привести автора к худосочному символизму”¹⁵. Буквально по нескольким словам критик сказал и об остальных орловцах: в стихах В. Тарасова “сквозят разноречивые влияния. <...> От бесконечного подражания Тарасова предохраняет его несомненное дарование <...> У С. Чекулаева есть любовь к слову и стремление свежо глядеть на вещи <...> Стихи Хорькова, Афанасьева и Щёлокова (Орёл) заслуживают всяческого внимания”¹⁶.

Однако успехи пролетарских писателей Орла оказались куда скромнее авансов. Одна из причин того – слабый творческий потенциал не только местного объединения, но и вообще всей организации. Как отмечал один из знатоков литературной жизни тех лет Валерий Кирпотин, “в РАППе много было журналистов, газетчиков, часто малоквалифицированных людей, написавших один-два рассказа, два-три стихотворения, опубликованных иногда лишь в районной печати”¹⁷. Увы, этот просчёт стал понятен только к середине 1930-х, а поначалу “функционерам от литературы” казалось, что старую творческую интеллигенцию быстро и с успехом заменят “таланты от сохи”. Например, в одной из воронежских книг 1931 года подчёркивалось:

“Осенью 1930 года АПП ЦЧО провела призыв в литературу и в настоящее время ведёт систематическую, планомерную литературную работу на предприятиях и колхозах ЦЧО, вербуя лучших ударников рабочих и колхозников в ряды пролетарской литературы. Заводы и колхозы ЦЧО уже выделили ряд начинающих писателей и поэтов, произведения которых печатаются в журнале “Подъём” и будут выпускаться отдельными

сборниками¹⁸. Однако в статье “О литературном фронте ЦЧО” ответственный секретарь правления АПП ЦЧО Максим Подобедов с тревогой отмечал: “В Орле ассоциация пролетарских писателей совершенно почти развалилась, и её пришлось перевести на положение литгруппы¹⁹”.

Впоследствии сам Михаил Киреев не афишировал своего председательства в Орловской организации писателей. Например, в сборнике “Писатели ЦЧО” в автобиографии он в назывной форме просто перечислил основные вехи своего творческого пути: “... “Орловская правда”. Работа в литорганизации. Из комсомола вышел в качестве переростка²⁰”.

Обращение к автобиографии писателя позволяет несколько дополнить его биографический очерк, опубликованный в хрестоматийно известном справочнике “Писатели Орловского края²¹”. Так, например, сам Киреев в первых же строках указывает, что “родился в середнячком дворе – в с. 1-е Подчернево Калугинского прихода, Тельченской волости...” Важно также его указание на первые годы учёбы: “До революции учился в приходской школе, немного – в уездном начальном училище в Болхове, совмещая учёбу с работой в сельском хозяйстве²²”.

Также писатель сообщил о том, что в его планах в первой половине 1920-х годов была и морская служба: “Командировка в Балтфлот, – по физическим недочётам возвращение назад”. И ещё одна примечательная деталь: Киреев в перечне своих прежних мест работы указал не только редакцию газеты “Правда молодёжи”, но и крестьянской газеты Орловской губернии “Наша деревня” (этот факт, насколько известно, в статьях о Кирееве и об истории орловской журналистики в последние десятилетия не упоминался).

Книга рассказов М. Киреева “На линию” была издана в 1934 году в Воронеже, куда к тому времени автор переехал из Орла. Само по себе издание невелико – уменьшенный формат, всего 102 страницы, вместившие рассказы: “Думай, сосед”, “Бабы”, “Яма”, “Ванька плетень”, “Дитё”, “В своих местах”, “На линию”. По сути, почти все они – подражание Ивану Вольнову, незамысловатые картинки того, как плохо жилось орловскому крестьянину до коллективизации и как ныне жизнь вроде бы устраивается. Лейтмотив книги – классовая борьба в деревне. Классовым врагом является бывший лавочник, не пустивший в свой дом сбившегося с дороги в лютый мороз кооператора (“В своих местах”); кулак, идущий на убийство ради спрятанного от колхозников хлеба (“Яма”). Эскизно даны образы крестьян-бедняков, начинающих поддерживать колхозы (“Думай, сосед”, “Бабы”).

Последний рассказ “На линию” – о том, как женщину с ребенком бросил муж. Она пошла было в проститутки и совсем отчаялась. Зимним вечером увидела дом с морем огней – Дворец культуры железнодорожников (некая замена храма?). Потом пошла к брату за помощью... Повествование завершает эпизод – героиня уже в бригаде и чистит снег на трамвайной линии. Теперь у неё всё хорошо.

А вот как книга анонсировалась тогда в специальном бюллетене ЦЧО для сети книготорговли: “Тематика первых шести рассказов связана с борьбой старого и нового в деревне, с преодолением в колхознике – вчерашнем единоличнике – собственнической психологии. Рассказ “На линию” посвящен переделке человека с отсталым мещанским укладом под влиянием пролетарской среды и труда. Рассказы Киреева интересны по содержанию, язык живой, красочный. Рассчитаны на массового читателя²³”.

Большинство рассказов М. Киреева в начале 1930-х годов печаталось в “Орловской правде” (помимо вошедших в сборник он опубликовал в “Орловской правде” в 1929–1934 гг. рассказы “Просёлочной дорогой”, “Из жизни Марьи”, “Любовь Поли Галкиной” и др.). Рассказ “Червяк” был напечатан в литературном альманахе АПП ЦЧО “Звено” (Воронеж, 1930). Публикации Киреева в “Подъёме”: “Покупка” (1931, № 2), “Думай, сосед” (1931, № 11–12), “Бабы”, (1932, № 6–7), “Яма” (1932, № 11–12), “На линию” (1934, № 1), очерки “Весна “Красной звезды” (1931, № 4–5), “Хозяева” (1933, № 3).

В № 6 журнала “Подъём” за 1934 год в самом конце номера в рубрике “Хроника литературной жизни ЦЧО” была напечатана короткая заметка: “Оргкомитет Союза советских писателей утвердил членами союза тт. М. Киреева, Л. Завадовского, О. Кретову и Л. Плоткина. Девять человек приняты в союз в качестве стажёров”.

Воронежский драматург Николай Задонский в 1934 году не был принят в союз, ему “присудили” лишь звание стажёра (кандидата). С обидой Задонский отправился в Москву к секретарю Союза писателей А.С. Щербакову. Характерен ответ функционера: “Вы ещё молодой человек, и большой разницы между членом Союза и кандидатом не вижу, а годика через два – постараетесь, напишете ещё лучшую пьесу – утвердят вас и членом²⁴”. Обратим внимание на те факты, что Задонский был на несколько лет старше Киреева, что у Киреева была всего одна книга, а у Задонского – несколько, да и стаж работы в печати у Задонского едва ли не вдвое превышал аналогичный у Киреева. Почему же орловец Михаил Киреев был принят в Союз едва ли не первым в обширной Центрально-Чернозёмной области?

Дело в том, что в 1933 году полгода в Воронеже прожил известный советский писатель Фёдор Панфёров... Его пребывание в столице Черноземья особо отметил редактор областной газеты «Коммуна» А.В. Швер, выступая на Всесоюзном совещании председателей республиканских, краевых и областных оргкомитетов Союза советских писателей (июль 1933 года): «У нас в ЦЧО после решения ЦК значительно оживилась литературная жизнь. Огромное значение имело и то обстоятельство, что в течение полугодия в Воронеже жил Панфёров и принимал активное участие в наших вечерах и собраниях»²⁵. Панфёров заметил Киреева, исключительно высоко оценил его рассказ «Думай, сосед», дал рекомендацию для вступления в Союз советских писателей. Член редколлегии «Подъёма» В. Егин опубликовал отдельную статью о М. Кирееве (Подъём, 1933, № 3). Несомненно, всё это сыграло роль в том, что Киреев был избран делегатом первого Всесоюзного съезда писателей.

И снова возникает вопрос: сколько же раз публиковался рассказ Михаила Киреева «Думай, сосед»? Впервые он был напечатан в «Орловской правде» в 1931 году. Затем в «Подъёме» (1931, № 11–12), в столичном «Октябре» (1932), в московском альманахе «Наше поколение», в сборнике М. Киреева «На линию» (Воронеж, 1934), вошёл в альманах молодых писателей и в сборник «Писатели ЦЧО» (обе книги – Воронеж, 1934), выпущен отдельным изданием в Курске, был напечатан в сборнике М. Киреева «Рассказы» (Нальчик, 1941). Таким образом, рассказ начинающего провинциального автора всего за десять лет был опубликован как минимум девять раз в пяти городах страны (!). И это при несомненном бумажном голоде в СССР, всевозможных цензурных препонах, изменениях идеологических приоритетов и т. д.

В 1933 году Николай Романовский опубликовал большую статью – 5 страниц – «Орловские поэты» (Подъём, № 1–2). В 1920-е годы Романовский жил в Орле, затем в Курской губернии и, по-видимому, знал многих орловских и курских литераторов. Воронежский критик обратил внимание читателей журнала на творчество орловцев С. Юдкевича (его стихи периодически печатались в «Подъёме»), М. Толстова, Б. Николаевского, А. Целинова. Спустя десятилетия мы знаем и о том, что тогда, в 1933 году, в Орле жил не менее талантливый поэт Владимир Кемецкий. Увы, «Подъём» в силу понятных причин не мог посвятить ему даже несколько строк. В пятитомнике «Реквием» указано, что Владимир Свешников (его настоящая фамилия), уроженец Ленинграда, 1902 г. р., сослан в 1927 году на Север. Запрос автора этого

очерка в управление ФСБ по Орловской области позволил узнать чуть больше о Свешникове. Оказалось, что в 1927 году он действительно был арестован, но не в Орле, а в Харькове. И отбывал срок на Соловках в одной камере с будущим академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым...

Д.С. Лихачёв вспоминал: «Наши отношения с ним как-то очень быстро стали хорошими, дружескими, доверительными. У него обнаружился поэтический талант, по-видимому, сразу о себе заявивший и бесспорный... Он был принят в салоне Гиппиус и Мережковского, пользовался там большим успехом. Но вскоре почувствовал, что в салоне ему душно – душно нравственно... [Из соловецких поэтов] безусловно, самым талантливым, изумительно талантливым и «настоящим» был Володя Свешников. В иных условиях ему принадлежало бы великое будущее. «Кемецкий» – это фамилия его матери и поэтический псевдоним».

В первоначальном, ещё «перестроечном» издании воспоминаний Д.С. Лихачёва и в мемуарах других узников Соловков указывалось, что Кемецкий был освобожден в 1931 году, но о дальнейшей судьбе ничего не известно. Теперь благодаря находке в архиве Орловского УФСБ мы знаем, что постановлением «особого совещания» от 14 февраля 1932 года Свешникову запретили проживание в 12 наиболее крупных городах СССР в течение трех лет. Поначалу он поселился в Воронеже, но в тот голодный год существование бывшего зека в столице ЦЧО было невыносимым. Уехал в Орёл, где жил на 5-й Курской улице (ныне улица Фомина) в доме № 4 (теперь это территория гостиничного комплекса).

Арестовали Свешникова 6 февраля 1933 года. О себе он рассказывал следователю Орловского ГПУ 29 марта 1933 года: «В 1920 году я совместно с белыми эмигрировал на пароходе «Габсбург» из Одессы, где проживал совместно со своими родителями в течение 1919–1920 годов, в Константинополь. Отец мой – журналист, мать – в прошлом артистка Большого театра. Родители умерли от тифа в Одессе. <...> в Берлине работал в редакции газеты «Накануне»²⁶.

Отметим также, что с конца 1932 по 1935 год в Орле жил крупный литературовед А.М. Путинцев (1880–1937), освободившийся из Свирьлага. Алексей Михайлович многое сделал для изучения библиотеки И.С. Тургенева, преподавал в Орловском пединституте, подготовил к публикации целый ряд научных работ... В Ельце в то время работал в редакции газеты Е.К. Горбов, который в 1934 году в журнале «Подъём» опубликовал повесть «Чёрный князь» (№ 7–8), в 1935 году – рассказ «Золотой век» (№ 7–8); в Ливнах – Д.И. Головин, печатавшийся в журналах «Подъём», «Безбожник», «Комбайн». «Лапоть».

С Орлом был связан Павел Шубин, который родился в 1914 году в селе Чернава Елецкого уезда, учился в Ельце, а затем уехал в Ленинград, где работал слесарем на заводе, учился в техникуме, в 1933 году поступил на филологический факультет ленинградского вуза. Павел Шубин написал стихотворение “Орёл”, датированное 1936 годом. В довоенные годы эти строки были широко известны, в них поэт признавался в любви к провинциальному городу, давшему путёвку в жизнь многим героям современности:

*Площадь за водонапорной башней,
Городок в черешневых садах,
Ты минутой прожитой, вчерашней
От меня уходишь навсегда.*

*Чтобы померещиться нежданно
На пути, в бессонных поездах,
Улицей Тургеневской в каштанах,
Липами “Дворянского гнезда” <...>.*

*И от пустырей его просторных
В мир – поющий, выпуклый, цветной –
Сто дорог легло прямых и торных
Для мальчишки с улицы одной.*

*Но и всё измерив новой мерой,
Не отдам тебя во власть годов,
Первая моя любовь и вера,
Светлый город яровых садов.*

Отмечая немногочисленность местных творческих сил в начале 1930-х годов и отсутствие в Орле какой-либо литературной организации, можно констатировать, что инициативу в то время проявляла редакция местной газеты. В 1934 году “Орловская правда” объявила конкурс на лучший художественный очерк. Были заявлены следующие задачи конкурса:

“1. Показать ростки нового на производстве, в социалистическом сельском хозяйстве, в быту, культуре.

2. Поднять творческую активность производственных, совхозных, колхозных, красноармейских и школьных литкружков, выявить из среды рабселькоров новых способных к литературной работе товарищей, привлечь внимание начинающих писателей к актуальным темам современности”.

Редакционный конкурс вызвал интерес в областном центре – Воронеже. Сосланный сюда из Москвы литературный критик Павел Калецкий (в Воронеже он активно выступал в областной печати, был редактором альманаха “Писатели ЦЧО”, общался с О.Э. Мандельштамом) откликнулся на творческое состязание орловцев рецензией “Орловские очеркисты”²⁷. П. Калецкий в имевшейся у него подшивке “Орловской правды” прочитал 19 очерков и оценил прошедший конкурс как

несомненную удачу: “Конкурс расшевелил литкружки, дал целевую установку молодым авторам, поднял их творческую активность... Опыт “Орловской правды” должен быть использован всеми районными газетами. “Орловская правда” показала, что из числа рабкоров, селькоров, военкоров газеты можно выдвинуть ряд способных авторов, которые сумеют ярко отразить наше социалистическое строительство, наших новых людей”.

Литературный критик высоко оценил очерки Е. Ветровой “В садах”, Ширванского “Кирпичики”, Климова “Под красной звездой”. Был высказан и ряд критических замечаний, например:

“Неплохой очерк Антонова “Новая изба” портит его сюжетная разбросанность. Павел всю жизнь мечтает о новой избе, так же, как мечтали об этом отец и дед. И только колхоз, сделал его зажиточным, помог осуществить эту мечту”.

“Схематизм и поверхность в показе образов свойственны и ряду других очерков: “Члены редколлегии” Городниченко, “Дружба” Гершуна, “Женорганизатор” Казанской, “Хозяин буксы” Дронова и т. д. И другая, общая беда орловских очеркистов – это неумение выбрать сами за себя говорящие интересные факты, которые сделали бы очерк занимательным, конкретным и ярким. Молодые авторы стремятся обобщить наблюдаемые ими факты; это, конечно, правильно, но в этом обобщении они часто теряют яркость индивидуального, смазывают красочность своего материала. Не умеют орловцы и сюжет крепко построить”²⁸.

Впрочем, критика эта была достаточно дружественной, о чём можно судить хотя бы по тому, что в “Подъёме” были перепечатаны очерки из “Орловской правды”: “В садах” Е. Ветровой (“Подъём”, 1934, № 4–5), “Новая изба” И. Антонова (1934, № 6).

С созданием Курской области (середина 1934 года) творческие силы новой административной единицы попытались самоорганизоваться, поднять свою работу на новый уровень. Сказывалось и то, что прекратил издание журнал “Подъём” и тем самым резко снизилась роль Воронежа как объединяющего центра литературы всего Черноземья.

4 января 1935 года “Курская правда” опубликовала отчёт В. Егина со слёта молодых авторов Курской области “Как и о чём писать” (автор, сам участник слёта и член оргкомитета, предпочёл подписать публикацию прозрачным псевдонимом “Вега” (т. е. Вл. Егин)). Судя по отчёту, в слёте участвовал известный писатель Фёдор Панфёров – встречали его овацией (он затем несколько раз выступал в Курске на областном съезде Советов, на крупных совещаниях).

В своём выступлении на слёте редактор “Курской правды” Владимир Князев заявил: “Газета

["Курская правда"] взяла на себя почин в соби- рании молодых литературных сил области... Тяга к писательству огромна. Необходимо создать ли- тературный центр области, который бы мог бе- режно выращивать всё талантливое".

Слёт избрал областной оргкомитет Союза пи- сателей "в составе т.г. Князева (председатель), Михаила Киреева (член Союза Советских Писа- телей, вышедший из литературной организации Орла), Буняева, Егина и Астанина (Орёл)".

Примечательно, что абсолютно все из перечис- ленных литераторов Курской области были так или иначе связаны с Орлом. Например, В.И. Князев в 1930–1932 годах работал редактором газеты "Ор- ловская правда", бывший член редколлегии "Подъёма" В.Н. Егин в 1935 году был исполняю- щим обязанности редактора "Орловской правды", В.С. Буняев работал ответственным секретарём "Орловской правды", а А.В. Астанин родился в Орле, был журналистом "Орловской правды".

Становление литературной организации в Кур- ске шло с большим трудом. Власть ставила перед ней прежде всего политические и производствен- ные задачи. Примечательна хроника литературной жизни, опубликованная в "Курской правде" 29 ав- густа 1935, одну из заметок приведём полностью и дословно: "На областной конкурс пьес по свек- лоуборочной поступило свыше 30 рукописей".

И всё же оргкомитету удалось издать достаточ- но содержательный литературно-художественный сборник "Утро" (Изд-во "Курская правда", 1935). Здесь были напечатаны рассказ М. Киреева "У родных", стихи А. Астанина "Вечер", "Старому каменщику", "Отцу", Б. Николаевского – "Разговор с сыном", "Встреча зимы", "Зрелость", "Наша осень".

Подводя итог развитию литературной жизни в Орле в это десятилетие, мы вынуждены констати- ровать, что она не была отмечена заметными со- бытиями. Масштабный социальный эксперимент по "социалистической перестройке" краевой ли- тературы завершился весьма скромным результатом. Примечательно и то, что практически все извест- ные "действующие лица" литературного процесса в Орле тех лет не стали участниками оживления местной творческой жизни в последующие годы – 1950-е и 1960-е. Уехал в Тамбов, а затем в Нальчик М. Киреев, были репрессированы И. Антонов, Н. Бормотов, В. Буняев, Б. Гершун, Н. Городни- ченко, В. Егин, В. Князев, А. Светозаров, В. Свеш-ников, погибли в годы Великой Отечественной войны А. Астанин и Б. Николаевский.

События 1920-х – 1930-х годов подготовили почву для возрождения литературной жизни в Орле в 1950-е годы. Они по-своему оттенили непреходящую значимость русской классики,

подтвердили несостоятельность вульгарных, ме- ханистических подходов к формированию твор- ческой среды (например, кампании по "призыву в литературу", по "выделению заводами писате- лей", "свеклосахарные конкурсы пьес", боязнь "ху- досочного символизма" и т. д.). Ошибки и про- счёты послереволюционных лет стали в какой-то степени уроком для тех, кто строил планы даль- нейшего развития местной литературы.

¹ Подробнее см.: В. Громов. Здравствуй, город Тургенева! – Тула, 1967. – С. 115–116.

² С. Горовой. Современные орловские пролетар- ские поэты // Зелёный шум: Сборник произведений поэтов и писателей Орловской губернии. – Орёл, 1922. – С. 123.

³ Земледелец и рабочий (Орёл), 1922, 9 марта.

⁴ Л. Плоткин. Заметки о литературе Черноземья // Звено. – Воронеж, 1930. – С. 116.

⁵ Новый путь (Орёл). – 1925. – № 1. – С. 23–24.

⁶ Там же.

⁷ Цит. по: В. Громов. Здравствуй, город Тургене- ва! – Тула, 1967. – С. 122.

⁸ С. Горовой. Современные орловские пролетар- ские поэты // Зелёный шум: Сборник произведений поэтов и писателей Орловской губернии. – Орёл, 1922. – С. 130–131.

⁹ А. Светозаров также автор содержательной ста- тьи "Из литературного наследия И.Е. Вольнова" (Подъём, 1934, № 9).

¹⁰ Хрестоматия по истории Орловского края. Вып. II. (1917–1937 гг.). – Курск, 1975. – С. 198.

¹¹ Центральное-Чернозёмная область. Справочная книга. – Воронеж, 1931. – С. 581.

¹² Там же.

¹³ Л. Плоткин. Заметки о литературе Черноземья // Звено. – Воронеж, 1930. – С. 104–105.

¹⁴ Там же, с. 105.

¹⁵ Там же, с. 106.

¹⁶ Там же, с. 111–112.

¹⁷ В.Я. Кирпотин. Ровесник железного века. – М., 2006. – С. 285.

¹⁸ Центральное-Чернозёмная область. Справочная книга. – Воронеж, 1931. – С. 581.

¹⁹ Ленинский путь (Воронеж). – 1930. – № 4.

²⁰ Писатели ЦЧО. – Воронеж, 1934. – С. 125.

²¹ Писатели Орловского края. – Орёл, 1981. – С. 269–71.

²² Писатели ЦЧО. – Воронеж, 1934. – С. 125.

²³ Краевая книга ЦЧО. – 1934. – № 5. – С. 8.

²⁴ Н. Задонский. Интересные современники. Лю- бопытная старина. – Воронеж, 1975. – С. 60.

²⁵ Цит. по: В.Я. Кирпотин. Ровесник железного века. – М., 2006. – С. 242.

²⁶ Архивная справка УФСБ по Орловской обла- сти № 10/8629 от 22 ноября 2007 г.

²⁷ П. Калецкий. Орловские очеркисты // Подъём (Воронеж). – 1934. – № 4. – С. 161–164.

²⁸ Там же.

АЛМАЗНЫЕ ГРАНИ БЫТИЯ

Евгений Константинович Горбов родился 9 марта 1906 года в местечке Теплик Гайсинского уезда Каменец-Подольской губернии (Западная Украина). Отец Евгения, мещанин по происхождению, был сидельцем в казённой винной лавке, умер в год рождения сына. После смерти мужа мать Евгения Горбова переехала в Елец, работала здесь в казённой винной лавке, в годы первой мировой войны – в военном госпитале, после Октябрьской революции – в различных учреждениях Ельца. Умерла в 1929 году.

До 14 лет Евгений учился, а потом стал ещё и работать рассыльным, сторожем в садах, грузчиком, плотником, ремонтным рабочим на железной дороге. В школе его учителем был Михаил Пришвин, который читал ученикам свои произведения. Пришвину Евгений Горбов принёс свои первые стихи...

Разнорабочим он был до весны 1926 года, когда пришёл в елецкую уездную газету. Спустя годы вспоминал: “Мне нравилась вечная суতোлка и напряжённость редакционного дня – этот лихорадочный скрип перьев, телефонные звонки, шелест подшивок. Нравилось выбегать из редакции и с деловым видом, хрустя и поскрипывая изгибами недавно купленной кожаной куртки, мчаться куда-нибудь за материалом”.

В личном листке по учету кадров Е.К. Горбова значится: “апрель 1926 – апрель 1927 – инструктор елецкой уездной газеты “Красное знамя”, “август 1928 – июнь 1934 – зав. промышл. отделом окружной, а впоследствии районной газеты “Красное знамя”. А это значит, что в период закрытия уездной газеты в Ельце Горбов почти полтора года оставался безработным. Может быть, в такие трудные времена и начал он писать прозу. 1934 год стал для Евгения Горбова переломным. Начинающий писатель опубликовал в воронежском журнале “Подъём” своё первое художественное произведение – повесть “Чёрный князь”. В ней, впрочем, как и во многих других его вещах, отразилась работа в редакции, газетные будни. Но особенность повести была не в фабуле. Новый автор сразу обратил на себя внимание особой лиричной интонацией – она была необыкновенно редка в размашистые 1920-е и 1930-е годы...

Горбов оставил нам в рукописи неопубликованного романа “Невидимое миру” зарисовку атмосферы недоверия и доносительства тех лет. Днём позвонили в редакцию, попросили зайти в местный отдел то ли ГПУ, то ли НКВД к такому-то

сотруднику. Во время встречи журналисту “доходчиво” объяснили, какие сведения о газетчиках он должен принести через несколько дней. Горбов попытался отделаться просто списком работников редакции с указанием их... прозвищ в коллективе. Итак, описание последовавшей вскоре новой встречи с вербовщиком (его Горбов называет “человеком-крысой”):

– Тут – все, – ответил я как только мог неприступно.

– Да нет... Вы должны были написать о настроениях в редакции, кто чем дышит, о чем говорят. Разве тебе не объяснили?”

Проходит несколько дней, следует новая встреча:

– Поймите меня, пожалуйста,.. – говорил я торопливо, боясь, что он меня перебьет. – Коллектив у нас маленький, дружный, все работают с полной отдачей сил. Никаких антисоветских настроений и поступков у нас не может быть. Все люди проверенные, политически зрелые”. Горбову повезло – его на время оставили в покое, в редакции уже действовал другой “стукач”, в ходу были его доносы, а вскоре Евгений Константинович и вовсе переехал в другой город.

В 1934 году Е.К. Горбов переехал в Воронеж. Здесь он трудился сначала заведующим сектором пути, а затем ответственным секретарём в железнодорожной газете “Вперёд”, с 1935 года – в газете “За образцовую магистраль” заведующим отделом культуры. Тогда же Евгений Константинович вступил в Союз писателей СССР (так сложилось потом, что в послевоенные годы, до образования областной писательской организации, Горбов был единственным на Орловщине членом Союза писателей СССР). В 1937 году возвратился из Воронежа в Елец, работал здесь ответственным секретарём газеты “Сигнал” Елецкого отделения Московско-Донбасской железной дороги.

В начале войны, когда многие небольшие издания прекратили выпуск, Евгений Константинович перешёл в “Орловскую правду”, редакция которой была эвакуирована в Елец в связи с оккупацией областного центра. Работал заведующим промышленным отделом. Горбов вспоминал много лет спустя о страшной бомбежке в солнечный весенний полдень 1942 года: “Сотрудники выбежали из комнат и кинулись в типографский подвал. Мы стояли, прижимаясь к стене, и пугливо прислушиваясь к тому, что делалось наверху. Там был суший ад. Острый пронзительный свист и удар – тяжкий, сокрушительный, от которого звенело в ушах и с потолка сыпалась штукатурка. Типографское здание вздрагивало: прямой удар – и от нас осталось бы одно месиво.

<...> Часто меня застигали воздушные тревоги, и я переживал их, прижавшись к первым попавшимся воротам или заскочив в попутную щель, которых много тогда было в городе. Видел ночные пожары – злое торжество бушующего пламени, хаос дымящихся бревен, развороченного кирпича, битого стекла, людей, которые ожесточенно, с каменными лицами бросались на штурм пожарниц”.

Горбов помимо текущей редакционной работы часто выезжал в командировки, готовил обзоры районных газет. Приведем выдержку из обзора Евгения Горбова долгоруковской газеты “Голос колхозника”: “Нудным “одноко” напичканы десятки статей и заметок. Не хотят работники “Голоса колхозника” искать новые, свежие формы для выражения своих мыслей, стандарт им нравится куда больше... На всех материалах “Голоса колхозника” лежит отпечаток небрежности, неряшливости, неуважения к русскому языку. Работники редакции, видимо, не любят этот могучий, гибкий, нежный и обаятельный язык, которым пользовались Гоголь и Тургенев, Чехов и Лесков”. Замечательный писатель и журналист Е. Горбов ставил вопрос о языке как о самом важном в газетной работе в драматичные дни декабря 1942 года!

Был Горбов в “Орловской правде” и ответственным секретарём, и литсотрудником секретариата – в его задачи входила правка материалов, повышение их качества.

Вторая половина 1940-х годов стала для Е.К. Горбова периодом активного творчества. Сборник повестей “Мирные жители” принёс ему широкую известность. В 1949 году в соавторстве с А.Н. Яновским Е.К. Горбов написал пьесу “Первый салют”, которую поставили на сцене орловского театра. В 1954 году публикует повесть “Феня”, а в 1955 году в издательстве “Орловская правда” выходит сборник “Повести и рассказы”. В 1957 году написан роман “Дом под тополями”, отмеченный газетой “Литература и жизнь”, “Литературной газетой”, журналом “Октябрь” (“Дом под тополями” в 1966 году в переводе был переиздан в Румынии).

Вот как о нём вспоминали современники: “Внешне это был человек, ничем особенным не примечательный. Мундштук с сигаретой “Новость”, заурядная одежда. Очень был какой-то непрактичный, непробивной. Ершистый, задиристый по характеру, он почти не умел определять свои произведения в печать, отстаивать их, пробивать себе дорогу в издательствах”.

...17 января 1961 года литсотрудник “Орловской правды” Е.К. Горбов написал заявление:

“Прошу с 1 февраля 1961 года освободить меня от работы в редакции в связи с необходимостью на некоторое время перейти исключительно на творческую работу над литературным произведением”.

Как свидетельствует характеристика писателя, составленная в конце 1960-х годов, “с 1 февраля 1961 года Е.К. Горбов занимается литературным трудом. Его роман “Дом под тополями”, повести “Феня”, “Куриная слепота”, сборник “Мирные жители” и другие произведения пользуются успехом у советских читателей. Произведения Е.К. Горбова издавались в Орле, Москве, печатаются в центральных журналах, помогают в коммунистическом воспитании трудящихся”.

Нравы орловской литературно-газетной богемы Горбов описал в романе “Антиграст”. Рукопись четырежды (в разных вариантах) предлагалась издательству “Советский писатель”, но всякий раз была отклонена (“оттепель” уже закончилась!). Главный герой романа – заведующий отделом культуры областной газеты Олег Сладковский. Изображён и сотрудник отдела культуры Аркадий Донцов – молодой автор и перспективный журналист. Получилась сочная сатира на систему “работы” редакций того времени с творческими людьми, сатира на увлечение журналистов молодежной экзотикой. Вот маленькая зарисовка из “Антиграста”: “Редактор, ограждённый тремя телефонами, дюжиной папок, мраморной чернильницей и высокими металлическими вместилищами для ручек и карандашей, попыхивал папирасой и сочувственно сверкал очками. Он весь ушел в роль Мецената. За ним водилась такая маленькая слабость. Общение с поэтами, проникновенные разговоры о стихах и поэмах помогали ему время от времени воспарять духом и, так сказать, набирать новых сил для борьбы за повышение надоев молока, урожая картофеля и кукурузы”.

В романе Е. Горбова “Антиграст” есть горькая сцена: директор областного издательства предлагает журналисту Олегу Сладковскому издать его трехтомник – избранные очерки, репортажи и отчеты. Горбов не жалеет иронии, показывая реакцию своего коллеги: “Придя домой, Сладковский поднял весь архив, всё, написанное за двадцать лет. Он бережно перебирал старые, пожелтевшие вырезки. В каждой из них отразилась какая-то частица его жизни. Вот он написал об открытии новой школы. Это – репортаж из сельской агитбригады... Это – очерк о заслуженном учителе... Через несколько месяцев трехтомник вышел в свет. Сладковский осторожно, как новорожденного цыпленка, взял в руки солидную книгу в толстом синем переплете и,

задыхаясь от волнения, прочитал свою тисненную золотом фамилию. Потом заглянул в содержание. Целая колонна заголовков: “Школа на новом этапе”, “Смотр народных дарований”, “Книгу – в каждую рабочую семью”, “В село приехала передвижка”, “Городское совещание учителей”... Чем не книга? Пусть без всяких писательских ухищрений, без птичек и ручейков, но зато вся на точных фактах. Сладковский горделиво улыбнулся и поставил свой трехтомник на книжную полку – рядом с томиками Пушкина и Белинского”.

Горбов боролся не с графоманами – с ними бороться в общем-то бесполезно. Ему претило лицемерие власти, которая, запрещая “неудобную литературу”, заставляла редакции безудержно печатать всякую халтуру – стихи к датам, стихи “о любви к родине”, о Ленине, о молодёжи и т. д. Эта линия брала начало ещё в 1920-х – противопоставляли старой интеллигенции “поэтов из селькоров”. Горбов хотел сказать, что времена изменились, люди культурно и интеллектуально выросли. И уже не нужны им эти ходульные селькоровские призывы и прошедшие “литправку” рифмованные банальности. Горбов верил в новое поколение шестидесятников (как их потом назовут), но в то же время очень боялся, что они “разменяются” на датские стихи.

Вместо эпилога приведём отрывок из выступления орловского писателя Леонида Сапронова на вечере, посвящённом памяти Горбова, в Музее Тургенева 10 марта 1976 года:

“В мою жизнь писатель Е. Горбов вошёл очень давно, в тревожном и памятном 42-м году. Время было жестокое и беспощадное. Вот тогда-то и попался мне в руки альманах, в котором была напечатана повесть Е. Горбова “Куриная слепота”. Повесть была яркой и талантливой, вселяла в душу подлинный оптимизм. А ведь написана она на самом заурядном и, казалось бы, неэтическом материале... Но в этом-то и сила подлинного творца: изобразить будничное и заурядное так, чтобы оно засверкало алмазными гранями, вырвать его из серой повседневности, сделать полноценным предметом художественного изображения.

А потом, спустя годы, мне довелось познакомиться с писателем лично, прочесть другие его произведения. Не все они были равноценны, не все одинаковы по силе своего воздействия, но в лучших своих сочинениях – повестях “Феня”, “Драгоценная соринка” и некоторых рассказах – писатель достигал подлинных высот. Это был настоящий, без скидок и снисхождения, писатель, которому было дано творить по самому высокому счёту, с позиций истинной литературы. <...>

В своих литературных симпатиях и привязанностях этот маленький с виду человек всегда оставался последовательным и непреклонным. Верный лучшим традициям русской классической литературы, Е. Горбов не умел подлаживаться к некоторым модным поветриям в творчестве и, рискуя порой очутиться за бортом современных тенденций... упрямо гнул свою линию.

Долгое время он был центром притяжения молодых литераторов. В этом смысле молодым авторам орловской земли повезло: Горбов был не только первым и на протяжении ряда лет единственным членом Союза писателей СССР, но, что гораздо важнее, истинным мастером. Можно было использовать совершенно другие стиливые манеры, предпочитать иные темы, иначе относиться к образной системе произведений, но не считаться с мастерством и зрелостью Е. Горбова было просто невозможно. То, что этот писатель жил и творил в Орле, влиял на начинающих авторов, воздействовал на них и своим творчеством, и своими советами, было большой удачей для культурной жизни нашей области”.

Умер Евгений Константинович Горбов 13 мая 1973 года в Орле. Похоронен на Наугорском кладбище. Его именем названы одна из улиц города и клуб книголюбов Орловского Дворца культуры железнодорожников.

ГЕРОЙ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Полвека назад имя Дмитрия Ильича Головина воспринималось на Орловщине как своеобразный символ удачно сложившейся судьбы журналиста. Старейший в области газетчик, опытный редактор, автор многочисленных очерков и книг, да к тому же ещё и сатирик, мастер бытописания деревенской жизни – мало кто мог сравниться с Головиным по числу “регалий”. Но ушла безвозвратно та эпоха, редко кто вспоминает её героев. Стоит, однако, задуматься над судьбой “старика Головина”.

Вот как описывал начало профессиональной журналистской работы Дмитрия Головина Евгений Горбов:

“Был август 1930 года. В одном из номеров ливенской городской гостиницы сидели и разговаривали четыре человека. Это были сотрудники вновь создаваемой в Ливнах газеты. Они недавно приехали из Ельца и теперь обсуждали вопросы, связанные с выпуском первого номера.

Во время разговора раздался стук в дверь. “Можно”, – сказал один из собеседников, и в комнату вошёл молодой человек лет двадцати семи, просто одетый, сам заметен смущённый своим неожиданным приходом.

– Это вы, товарищи, будете издавать газету? – начал он несмело.

– Да. А что вам нужно?

– Вот интересуюсь, когда она выйдет.

– А почему это вас интересует?

– Люблю это дело, – ответил посетитель и вдруг доверчиво улыбнулся.

Его усадили, стали расспрашивать. Из ответов гостя выяснилось, что его зовут Дмитрием Головиным, что он вырос в семье ливенского бедняка-крестьянина, учился всего полторы зимы и с одиннадцати лет, когда отца призвали в царскую армию, остался дома за старшего”.

Остановим здесь рассказ Горбова. Дадим слово самому Головину, вот строки из его письма сыну (1961 год): “Бурные годы революции. Мне пятнадцать лет. Отец – комбедчик. Я помогаю ему в работе. Деникинцы. Отца уводят на расстрел. И только случайность спасает его от расправы. 20-й год. 17-летним пареньком работаю секретарём сельсовета. Комсомольская ячейка, и я – её секретарь. Призыв в армию. Я на басмаческом фронте. Весь Таджикистан исхожен мной по пескам и горным хребтам – Термез – Курган-Тюбе и предгорья Памира...”

Ещё до службы в армии Дмитрий Головин проявил себя на селькоровском поприще (писал заметки в “Орловскую правду” и в Москву, в “Крестьянскую газету”), а первые его очерки появились в газете Среднеазиатского военного округа “Красная звезда”. После возвращения домой работал в Норовском сельпо, в сельскохозяйственной коммуне. Его заметки, рассказы, стихи и фельетоны охотно печатали в “Бедноте”, “Крестьянском журнале”. “Отцы-основатели” новой ливенской газеты для начала попросили Головина помочь в распространении подписки. А когда он спустя пару недель пришёл с оформленными квитанциями на сто экземпляров, ему предложили стать штатным сотрудником редакции.

Должность называлась “разъездной корреспондент”, но приходилось в основном пешком добираться до сёл и деревень района. В “буче боевой, кипучей” работал Головин истово, не жалея ни времени, ни сил. В каждом номере выходили его публикации, к тому же в сельсоветах Головин “сколотил” большой селькоровский актив. В круговороте газетной работы не забывал и о литературном творчестве. Посланные им очерки, стихи и рассказы в 1930-е годы постоянно публиковались в “Крестьянской газете”, в журналах “Подъём”, “Комбайн”, “Безбожник”, “Лапоть”. Входил в состав бюро Ливенского отделения Всероссийского общества крестьянских писателей (ЛОВОКП).

При помощи “Крестьянской газеты” в Москве в 1932 году были изданы две книги Головина – “Шаг за шагом” (об опыте коммуны “Новая жизнь”) и “Ровенцы в борьбе за колхоз”.

Сотрудник областной газеты ЦЧО “Новая деревня” (Воронеж) Ольга Кретова в своей рецензии “Творчество поэта-коммунара” писала: “Все его произведения проникнуты большим миропониманием. В них нет и тени прикрашивания, присахаривания старой деревни. Однако и колхозная жизнь в глазах поэта далеко не сплошной праздник. Он не занимается “революционными” выкриками о том, что “нам всё нипочём”. Головин хорошо видит трудности колхозного строительства”.

К началу Великой Отечественной войны Головин работал уже заместителем редактора районной газеты. 24 ноября, когда фашисты были рядом с Ливнами, он последним покинул редакцию, предварительно закопав в только ему известном месте шрифты. Печатные машины сожгли накануне... Уже через месяц пришла радостная весть: Ливны освобождены. Тогда же Головина назначили редактором газеты и поручили возобновить её издание. Тут-то и пригодились спасённые им шрифты. А город лежал в руинах.

В ту холодную зиму ему пришлось буквально по винтикам собирать оборудование, искать его в соседних районах, приводить в порядок. И все трудности Головин превозмог! 23 февраля 1942 года вышел в свет первый номер газеты. “Районка” поначалу печаталась в типографиях военных газет – машины приводили в движение вручную, при свете керосиновых ламп. Работали под бомбёжками – линия фронта на протяжении более полутора лет проходила буквально по пригородам Ливен. В своей праздничной (День печати!) заметке “Газета прифронтового района” Д. Головин писал в “Орловской правде” 5 мая 1943 года: “Нам и теперь ещё приходится работать в сложной обстановке, вызванной близостью фронта... Население постоянно было в курсе событий на фронтах Отечественной войны. И на каждый новый удар по врагу отвечало новыми победами на производстве, делом доказывало свою любовь к Родине”.

Война – невероятно тяжёлое время, о котором Головин всегда вспоминал очень скупно. Трудными были и послевоенные годы. Отдавая все силы восстановлению разрушенного войной, журналисты не могли молчать и о недостатках. Можно назвать немало имен тех, кто смело ставил острые, принципиальные вопросы, вступал в открытый конфликт с бюрократами, стремился своим творчеством найти для общества новые пути развития. Был среди них и Головин, причём его

голос слышали не только в Ливнах. К примеру, он одним из первых на Орловщине заговорил о необходимости бережного отношения к природе. В те годы его очерки и рассказы снова стали печататься в областных сборниках и в литературном альманахе, вышли в Орле отдельными книгами: "Задуманный разговор" (1950), сатирический сборник "Зелёная дуга" (1956), "Борисок" (1959). Одним словом, Дмитрий Головин был настоящим маяком для пишущей братии в борьбе за лучшую жизнь. Не случайно солидная публикация о ливенском редакторе в середине 1950-х появилась в центральном журнале "Советская печать":

— На полевом стане шёл горячий спор. Колхозницы, обслуживающие посевной агрегат, возмущались трактористом. Он не отрегулировал кукурузную сеялку, и семена высевались неравномерно.

— Гляди, Егор, не примешь мер, — Дмитрию Ильичу скажем. Пусть все в районе знают, как ты борешься за высокий урожай!

Можно было предположить, что Дмитрий Ильич — секретарь райкома или главный агроном МТС. Мы спросили, кто он такой.

— Так это же редактор районной газеты. Он и в наш колхоз частенько навещается. И уж если заметит какие-либо непорядки, то так прохватит, что только держись! Острый глаз у него! И человек он душевный, прямой. Люди его очень уважают".

Вокруг районной редакции собирался большой и авторитетный актив. Стали выходить литературная страничка "Ливенская проталинка" и сатирический раздел "Грейдером по ухабам", душой которых был сам редактор. Поначалу многим казалось, что 1950-е годы и есть та благословенная эпоха, когда после бурь 1930-х годов и после неимоверно тяжёлой войны наступило время могучего труда и каждодневного улучшения жизни. Был верен давним идеалам и Дмитрий Ильич Головин. Вот строки из его письма сыну (письмо это носило глубоко личный характер и не предполагало ни к какому обнародованию): "В 1959 году я был делегатом первого съезда журналистов СССР и слушал речь товарища Хрущёва на приёме в Кремле. И когда он назвал нас, газетчиков, подручными партии, мне приятно было сознавать, что и я, пожилой уже человек, являюсь одним из этих подручных великой партии Ленина, делаю что-то большое и благородное, полезное и нужное всем. С новыми планами, вдохнутыми тогда в каждого из нас, газетчиков, этим Человеком с большой буквы, взялся я за своё любимое дело. Хотелось верить, что я как редактор могу принести ещё немалую пользу родной партии, своему народу. И я старался это делать от всей души, не считаясь со временем и здоровьем".

На деле стремление газетчика и писателя свято служить идеалам постоянно наталкивалось на минное поле клановых интересов "хозяев жизни" ("самые острые выступления газеты, — напишет позднее Головин, — не находили нужной поддержки со стороны райкома, а некоторые из них ставились мне в вину, поскольку касались личностей, находившихся в приятельских отношениях с руководством"). Постепенно Дмитрий Головин, несмотря на все его заслуги и всеобщее уважение среди простого народа, переходил в разряд "неугодных".

В ноябре 1960 года в Ливнах проходила отчётно-выборная партконференция. Головина, как обычно, внесли в список для тайного голосования. Ни один делегат его не вычеркнул — он был избран членом райкома КПСС. Но в это время за кулисами президиума (в почётных рядах сидел и Головин) уже зрел "заговор". Началось с того, что первый секретарь райкома Анатолий Якубсон попросил редактора зайти в "комнату машинистки" к секретарю обкома Румянцеву, который приехал в Ливны для участия в партконференции. Разговор начался с вопроса:

— Как ваше здоровье, товарищ Головин?

— Думаю ещё поработать.

— А вот у нас с товарищем Якубсоном другое мнение. Сколько вам лет-то?

— 58-й идёт.

— Да, поработал он немало, — вздохнул Якубсон. — Я знаю товарища Головина свыше 30 лет. Работник он честный, трудолюбивый. Я охотно готов взять его себе в помощники, если останусь секретарём райкома.

— Позвольте, — возразил Головин, — зачем же мне оставлять редакционную работу, когда я ещё в состоянии выполнять её?

— Нет-нет! — остановил его Румянцев. — Вы уже стары стали (ирония истории: именно в 58 лет Леонида Брежнева "двинули" на место Никиты Хрущёва. — **А.К.**). Дадим вам областную пенсию, останетесь заместителем редактора или секретарём редакции. Материальная сторона ваша, таким образом, не будет ущемлена, а работать вам будет легче.

— Смотря кого дадите в Ливны редактором. Не получилось бы так, что всю работу придётся тянуть мне.

— Хорошего дадим редактора...

И вот начался организационный пленум райкома. Избрали секретарей, дело дошло до утверждения редактора районной газеты. Слово взял Румянцев. Очень мягко произнёс:

— В связи с тем, что товарищ Головин стал стар, мы даём ему областную пенсию и предоставляем

работу в редакции или райкоме. Есть предложение утвердить редактором товарища Сажина.

Головин увидел на лицах многих участников пленума недоумение. Но вот раздалось два-три голоса:

– Правильно!

Подводят итог:

– Редактором утверждается товарищ Сажин.

Сажин до этого был одним из секретарей Ливенского райкома. Таким образом его “трудоустроили”. А Головину в итоге более полугодом пришлось тащить двойной воз (новый редактор, почти ровесник, никогда прежде не работал в газете), начались бесконечные проволочки с оформлением пенсии, сопровождавшиеся замысловатыми интригами. Когда же пенсионным документам наконец дали ход, выяснилось, что персональный пенсионер ради получения пенсии непременно должен оставить работу в редакции. Навсегда...

“Написать бы об этой вакханалии в “Правду” или ещё какую центральную газету? – делился сомнениями в письме сыну Головин. – А там возьмут да и направят всё в обком партии, тому же, скажем, секретарю обкома партии тов. Румянцеву или ещё хуже того – в райком тов. Якубсону. Тогда совсем в порошок сотрут: “Критиковать наши действия? Держись, Головин!” Я всю жизнь умел неплохо защищать других, но не научился защищаться сам. Это плохо, сынок. Но что поделаешь, таков характер”.

Отставка больно ударила по натуре Головина. После ухода на пенсию он издал только одну новую книгу (повесть “Седьмая весна”, 1962). Может, были бы со временем новые сатирические рассказы и повести, но вскоре закрылось в Орле областное издательство, а в Тулу, в Приокское издательство, которое было одно на четыре области, скоро ли из Ливен доберёшься? Поблекла и ливенская газета, потеряла свою особую, острую тональность, что отличала её в нестройном и разноликом хоре районной прессы...

Дмитрий Головин был плоть от плоти советский журналист и литератор, верно служил партии, народу, мог и с шашкой, как когда-то на басмачей, идти в атаку на недостатки и разгильдяйство, а мог острым словом мудро подправить иные неполадки-недоделки в большой и сложной работе строительства новой жизни. Он был труженик и поэт незамысловатого провинциального бытия. Конечно, жаль, что так несправедливо обошлись с ним в райкомовских и обкомовских коридорах. Да, наверное, иначе не могло быть. У человека творческого, с живой душой обязательно найдётся такой день и час, когда он просто не найдёт в себе сил стать на колени и униженно попросить должность. Так и Головин ушёл из любимого им газетного мира с высоко поднятой головой. Он жил, как писал. И писал, как жил.

ВЁСНЫ ИВАНА ПАТЕНКОВА

Будущий редактор “Орловской правды” и автор книг, стоявший у истоков областной писательской организации, Иван Михайлович Патенков имел крестьянские корни. Он родился 20 марта 1909 года в деревне Мокрецы Куракинской волости Малоархангельского уезда (ныне Свердловский район). Учился в Куракинской, а затем в Малоархангельской школе. В годы учёбы в Куракино хорошо знал писателя Ивана Вольнова, вспоминал о нём: “Это был подвижный, с вечным юмором человек. Все его очень любили за его открытую душу, за прямоту и правду. Он увлекал своими рассказами о жизни, какая должна быть на земле, и особенно своим смехом искренним, каким только может смеяться человек с большой и чистой душой”.

В 14 лет Иван Патенков вступил в комсомол, затем уехал в Москву на рабфак, учился на литературном факультете 1-го МГУ. Вскоре факультет преобразовали в редакционно-издательский институт. Фактически Патенков окончил этот вуз (оставалось только защитить дипломную работу), но в 1933 году институт был закрыт. Служил в армии (здесь в газете “Вперёд” опубликовал свою первую повесть “Две армии”), преподавал в Орловском финансово-экономическом техникуме, был лектором горкома ВКП(б), с 1940 года – директор Дома политпросвещения в Орле. В Орле его хорошо знали как эрудированного, исключительно ответственного педагога и партработника.

В годы Великой Отечественной войны Иван Патенков служил в армейских политорганах в Брянске (лето 1941 года) и на Урале (слабое зрение не позволяло быть в действующей армии). Казалось, с окончанием войны ему предстоит вернуться к привычной партийной работе. Однако судьба сделала крутой поворот...

В августе 1946 года было опубликовано печально известное постановление ЦК ВКП(б) о журналах “Звезда” и “Ленинград”. Кроме журналов в высших кругах жёстко обсуждался вопрос о кинофильме “Большая жизнь”. Один из журналистов центральной “Правды” записал в те дни: “Вообще ЦК очень энергично взялся за идеологию. Пospelов (редактор “Правды”. – А.К.) формулирует так: главная задача партии – воспитание новых членов, вторая – улучшение работы газет, являющихся важнейшим средством идеологического воздействия партии на массы. Еще зимой Оргбюро на каждом заседании рассматривало вопрос о воскресных номерах областных и

республиканских газет. На каждом заседании обсуждалось по 2–3 газеты и принимались развернутые, очень конкретные решения”.

Озабочены были и в Орловском обкоме и потому сразу же обратили внимание на вернувшегося на родину Патенкова: в октябре 1946 года демобилизованный офицер был утверждён исполняющим обязанности заведующего отделом пропаганды и агитации “Орловской правды”.

Имея немалый опыт, Патенков без особых проблем влился в коллектив редакции (здесь тогда было больше десятка новичков), писал передовые и пропагандистские статьи, рекомендации для агитаторов, ещё какие-то дежурные материалы. Но сегодня, спустя шесть с лишним десятилетий, мы можем признать: душа Патенкова тянулась к литературе, к творческому делу. И это его стремление вскоре подметили коллеги. К примеру, главный редактор книжного издательства “Орловской правды” Ф. Антонов еще в феврале 1950 года, обращаясь в обком ВКП(б) по поводу предоставления отпуска для сдачи экзаменов в Высшую партийную школу, предложил временно возложить обязанности главного редактора издательства на... Патенкова.

Иван Михайлович явно перерос должность штатного пропагандиста. В редакции он слыл либералом рядом с довольно жёстким редактором Василием Авдюшиным. Благо, вышестоящие начальники не стали вести дело к конфликту и в январе 1953 года направили Патенкова в Москву на годичные курсы переподготовки руководящих партийных, советских и газетных работников при Высшей партийной школе ЦК КПСС.

По окончании курсов, когда после смерти Сталина началась смена кадров, Патенкову в ЦК предлагали поехать за границу (на выбор: Китай, Чехословакия, страны Скандинавии). Он отказался, так как имел малолетних дочерей.

В 1954 году в Центре России было образовано несколько новых областей (Липецкая, Белгородская, Каменская, Балашовская), Патенкову предложили возглавить газету Каменской области. Она составилась из районов Ростовской и Воронежской областей с центром в Каменске-Шахтинском: здесь в течение почти четырёх лет И.М. Патенков работал редактором “Ленинского знамени” (до упразднения области в конце 1957 года), затем снова вернулся в родной Орел.

И вновь пришёлся кстати обкому, где сильны были настроения оттепели. Прежнего редактора газеты “Орловская правда” Авдюшина в январе 1958 года перевели на должность директора сельскохозяйственной школы, а Ивана Михайловича назначили на его место.

Да, несмотря на “партийную выправку”, он был либералом, и рубеж 1950-х – начала 1960-х годов позволял быть таковым даже в роли руководителя партийной газеты. Время складывалось тогда непростое – полное надежд, обновления. И всё-таки люди были обожены войной, репрессиями, разорением, пренебрежением власти. Они понимали, что чудес на свете нет, что в одночасье не решить всех проблем. И были рады хотя бы искреннему вниманию, участию, хотя бы капле добра. А ведь как трудно быть добрым, когда сам работаешь на износ, когда вокруг столько противоречий, споров, обид, когда со зверской яростью ломают всё старое в очередной надежде на светлое будущее.

Патенков берёг журналистов, брал их под свою защиту, ценил в первую очередь способность хорошо писать, быть творческим человеком. Ведь у иного редакционного сотрудника было только то отличие от чиновника, что сочинял он не справки и доклады на пленум, а кондовые статьи и заметки с вечно живыми приказами-указаниями: “упорядочить”, “повысить”, “ускорить”, “усилить”, “обновить”, “беспощадно бороться”, “искоренить”.

Из воспоминаний жены Маргариты Васильевны Патенковой: “Себя беречь он не умел. Отпусками пользовался крайне редко. К Ивану Михайловичу шли, приезжали отовсюду с просьбами, жалобами, письмами, за советами шли люди. В приемную свою он дал указание, чтобы посетителей, особенно пожилых, приехавших издалека, к нему пропускали без задержки. Он откладывал свои дела и принимал, внимательно выслушивал и помогал. Обычно в это время (имеется в виду вечер, когда работа над завтрашним номером газеты была в самом разгаре. – **А.К.**) уже в новом Доме Советов попасть на прием к какому-нибудь руководителю было непросто. А дежурные милиционеры на первом этаже уже знали это и прямо направляли к нему: “Поднимайтесь на пятый этаж к редактору, он всех принимает”. Ежедневно по два-три раза до глубокой ночи приносили полосы газет домой, чтобы с поправками вновь перечитать и подписать в печать в типографию. Иван Михайлович еще имел привычку, когда окончательно подпишет газету, принесет её в спальню и с восторгом говорит: “Слышишь, как красками пахнет!” Любил он своё дело! Страстно любил газету!”.

Характерная деталь: И.М. Патенков повышенный гонорар выплачивал за статьи и заметки критической направленности, за материалы литературных жанров, а также за пропагандистские публикации. В то же время столь традиционные для эпохи правления Сталина отчеты с различных

партийных мероприятий отныне были явно не в чести: они расценивались куда ниже фельетонов, очерков, рассказов и даже рецензий.

И сам Патенков старался писать не только газетные передовицы. В 1958 году в сборнике “На родной земле” напечатана его пьеса “Когда шумят леса”, вторая пьеса “Пламя во мгле” с успехом шла на сцене Орловского драматического театра. В 1960 году была издана повесть Патенкова “Макар Навля”. По воспоминаниям его жены Маргариты Васильевны, “Иван Михайлович всё время мечтал об организации в Орле писательской организации. На фотографиях того времени вижу вместе с мужем И. Эренбурга, И. Андроникова, С. Смирнова...”. Редакции “Орловской правды” под руководством Патенкова было суждено стать своеобразным писательским гнездом периода “оттепели”. Следующий шаг – создание областного литературного объединения, которое возглавил Иван Михайлович. И как логическое продолжение – создание в Орле в январе 1960 года полнокровной писательской организации.

Но вначале организовали в Орле Союз журналистов. В январе 1959 года состоялась первая конференция журналистов области: говорили о слабой материально-технической базе районных редакций, о необходимости привлечь квалифицированные кадры, наладить учебу журналистов, чаще проводить творческие встречи журналистов, активизировать рабселькоровское движение. С речью на конференции выступил редактор “Орловской правды” И.М. Патенков. В числе шести делегатов на предстоящий первый съезд Союза журналистов СССР был избран и Иван Михайлович. А уже после съезда в Орле состоялось областное собрание журналистов, где были обсуждены итоги форума. С докладом опять же выступил И.М. Патенков. Речь шла не только о чисто журналистских проблемах, много говорилось о том, как пресса должна освещать вопросы социально-экономического развития в области, показывать опыт передовиков производства, добиваться досрочного выполнения планов семилетки.

В мае 1961 года в Орловской области прошла декада литературы, она открылась премьерой спектакля “Пламя во мгле”, состоялись встречи с писателями, литературные вечера, в центре Орла был развернут книжный базар с участием авторов книг. Активнейшее участие в декаде литературы принял поэт Дмитрий Блынский. На работу в “Орловскую правду” его пригласил Патенков (Блынский работал здесь с января 1961 по декабрь 1962 года).

А вот отрывок из воспоминаний Петра Проскурина: “В 1962 году после окончания Высших литературных курсов я искал, куда бы примкнуться в средней полосе России. В Рязани и Калуге меня, мягко говоря, не приняли руководители писательских организаций... На мое счастье, однажды состоялась встреча с редактором “Орловской правды” тех лет И.М. Патенковым. Тогда Орловской писательской организацией руководил Мильчаков – человек, смотрящий далеко вперед. Это благодаря их стараниям и доброй воле я поселился в Орле, где мне дали квартиру в 1964 году. В Орле я жил до 1967 года. Активно не только писал, но и сотрудничал в центральных газетах (“Литературная газета”, “Правда” в основном) и, разумеется, в “Орловской правде”. В Орле я продолжил работу над “Судьбой”, завершил “Исход” – так вспоминал об этом времени Проскурин.

В мае 1962 года в связи с 50-летием газеты “Правда” И.М. Патенков был награжден орденом “Знак Почета”. Но сам он в это время мечтал уйти с газетной работы, заняться любимой литературой (последняя повесть “Дочь сержанта” так и осталась незавершённой), да заботы не отпускали. Помнит ли кто теперь, как в конце 1962 года по решению ЦК КПСС (читай: лично Н.С. Хрущёва) партийные и советские органы повсеместно были перестроены по производственному принципу: обком промышленный и обком сельский. В нашей области было создано десять производственных колхозно-совхозных управлений (предприятий) и образовано столько же административных районов, вместо 29 сельских райкомов партии сформировали десять парткомов и в придачу партийный комитет областных организаций.

Да, тогда, в 1963–1964 годах, газеты дружно рапортовали о ценном опыте новой системы управления. Однако на деле она породила и немало вопросов: разобщенность, рост числа дублирующих друг друга контор и разбухание аппарата, усиление бюрократии. С одной стороны, ЦК продолжал требовать выполнения планов, заданий, графиков, с другой – критиковал за вмешательство в хозяйственные дела. Как вспоминала супруга И.М. Патенкова Маргарита Васильевна, “во время посевной и уборочной работал почти круглосуточно. Утренние часы уходили на совещания и заседания. Эти годы ведь были особые – два обкома, два облисполкома, совнархоз. После совещания начиналась работа с газетой”.

Патенков умер не только от постоянного перенапряжения на трудном посту, не только от

бесконечного “информационного сопровождения” хрущёвских новаций. Тяжелую каплю в эту роковую чашу добавил и вспыхнувший конфликт с тогдашним первым секретарём Орловского обкома КПСС Н.Ф. Игнатовым. Оттепель завершилась, новый хозяин области не церемонился с редактором газеты и “старшиной литературного цеха”. Было несколько строгих разносов, а потом начался шум из-за пропущенной на полосе ошибки в написании фамилии в предвыборном материале. “Знаю точно, что одним из главных цензоров свежего номера газеты была супруга Н.Ф. Игнатова, которая ежедневно с утра докладывала мужу свое впечатление”, – вспоминала жена И.М. Патенкова Маргарита Васильевна.

Ивану Михайловичу объявили выговор. С больным сердцем он попал в больницу и буквально в свой день рождения (а точнее, 21 марта 1965 года) умер от приступа стенокардии... Вот так между двумя вёснами уместилась недолгая, но яркая жизнь. Жизнь человека, который без громких слов и лозунгов спешил творить добро.

Петр Проскурин посвятил памяти Ивана Михайловича рассказ “Вечерняя заря” (опубликован в литературном сборнике “Орёл-город”, изданном в 1967 году). В рассказе есть такие строки: “Смерть не ждёт, пока человек сделает всё свое доброе, и человек может уйти, не успев ничего сделать. Надо спешить, спешить...”. Да, Патенков мог сделать ещё очень многое. Но он и многое успел сделать.



1992 год. В Доме писателей. Слева направо: стоят: А. Пахомов, Ю. Оноприенко, Г. Попов, А. Лысенко, И. Лободин, Л. Моисеев, И. Александров. Сидят: В. Вознесенская, А. Ивлева, И. Семенова, А. Панченко, В. Амиргулова, Н. Трофимичева.